

4. Ванюшев В. М., Тимирязнова И. Ф. Три волны «эры эпоса» в финно-угорском мире // В. И. Лыткин: грани наследия : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 115-летию со дня рожд. выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина. Сыктывкар, 25–26 нояб. 2010 г. Сыктывкар, 2010. С. 12–19.
5. Державин Г. Р. Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. Т. 6. СПб., 1876.
6. Жаков К. Ф. Биармия : коми литературный эпос. Сыктывкар, 1993.
7. Лимеров П. Ф., Созина Е. К. «Биармия» Каллистрата Жакова как реконструкция северного эпоса // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 6–15.
8. Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтана ; послесл. Б. Н. Путилова. М., 1994.
9. Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности / П. А. Гринцер, Е. М. Мелетинский (отв. ред.), С. Ю. Неклюдов, Б. Л. Рифтин. М., 1978.
10. Пропт В. Я. В свете фольклора. М., 2007.
11. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.
12. Хубитдинова Н. А. «Мои вечера: сказки башкирские» и «Куз-Курпач, башкирская повесть» Т. С. Беляева // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 40–46.
13. Худяков М. Г. Дорвыжы : удмуртский героический эпос / ред. Д. А. Яшина, В. М. Ванюшева. Ижевск, 2008.

О. А. Михайлова

Екатеринбург

Социокультурные стереотипы в Уральском рукописном сборнике песен начала XIX в.*

XXI в. привнес в развитие мировой цивилизации новые веяния, наступила «эра глобализации», космополитизм стал приметой эпохи. Эти тенденции можно считать позитивными трансформациями: гуманистические устремления человечества упрочились. Но любая свобода, не будучи сопряженной с ответственностью, может стать своеволием, и вместо демократии и удовлетворения общечеловеческих интересов возникнет ситуация разрушения и саморазрушения. Поэтому наряду с поиском наднационального пути развития возникает проблема *самодентификации* — в частности, национальной идентичности.

XIX в. в недавней истории России можно назвать, пожалуй, самым важным — в силу его насыщенности историческими, культурными процессами, которые, по справедливому замечанию ученых, послужили фундаментом для тех, актуальных в современности, процессов, которые сегодня вызывают

---

* Статья закрепляет основные положения более крупного исследования, проведенного автором, — его магистерской диссертации (научный руководитель — проф. Л. С. Соболева), подготовленной при поддержке именной стипендии профессора И. А. Держачева.

исследовательский интерес¹. Для описания данных процессов есть два основных пути: один — с опорой на официальные источники, отражающие государственное развитие и идеологию определенного периода; второй — с опорой на *неофициальные*, не столь прагматичные, *источники*, так или иначе фиксирующие национальную ментальность.

В нашем ведении оказался один из подобных неофициальных источников — рукописный сборник песен, датируемый 1814 г.² В нем содержится более 250 песенных текстов разной генетической и жанрово-тематической принадлежности (в том числе анонимные авторские песни). Сборник не имеет цели показать многоликость песенной культуры, чему, как правило, отвечали старопечатные книжные издания XVIII–XIX вв., издатели которых были достаточно осторожны, всегда отмечая авторский характер песен и стремясь жанрово обозначить песни народные (подобные издания, в сущности, представляли собой панорамное обозрение всего накопленного творческого опыта). Рукописная традиция примечательна тем, что отражает прежде всего *личностные* предпочтения и интересы составителей, складывающиеся под влиянием эпохи.

Рассматриваемый нами Уральский рукописный сборник фиксирует процесс *культурной демократизации* — историческую тенденцию взаимного движения навстречу друг другу народной традиции и официального искусства. Это взаимодействие отмечалось представителями классической фольклористики, начиная с Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. Н. Пыпина и др. Проводя текстологический и художественный анализ текстов, исследователи В. Н. Перетц, В. В. Сиповский, М. Н. Сперанский и др. обращали внимание на литературу социальных «низов», так называемое «*массовое искусство*», ставшее органичным конгломератом фольклора и высокой официальной литературы [7, с. 68].

Рукописная традиция, в сущности, один из репрезентантов массовой культуры, поэтому обращение к произведениям, запечатленным рукописями, дает возможность не только делать выводы об определенном социальном заказе и системе предпочтений того или иного времени, но и выявлять *стереотипы поведения и восприятия действительности*, то есть восстанавливать картину поиска национальной идентичности в ту или иную предшествующую историческую эпоху. Уральский рукописный сборник в этом смысле помогает воссоздать *картину мира* человека начала XIX столетия, а также охарактеризовать новый *национальный идеал*, зарождающийся на рубеже веков.

Исследователи русской культуры рубежа XVIII–XIX вв. Ю. М. Лотман, Н. Я. Эйдельман, А. М. Панченко и др. отмечали «пестрый» характер описываемой эпохи, процессы мощного сословного деления. В. А. Поздеев дал название

---

¹ Так, современные культурологи — в частности, Н. В. Шишова — отмечают, что литературоцентризм, оформившийся в XIX в., оказал важное влияние на процесс духовного развития российского общества, актуальное и на сегодняшний день [2, с. 185].

² Назван Уральским по локализации: песенник из рукописного собрания отдела редкой книги Областной библиотеки имени В. Г. Белинского (Екатеринбург).

феномену, сложившемуся после ряда проведенных Екатериной II городских реформ: это феномен «третьей» культуры — культуры городских «низов» [5, с. 26]. Одна из ее характерных черт — «пограничность», существование и взаимодействие в одном культурном пространстве народной и книжной традиций.

Уральский рукописный сборник песен вписывается в контекст «третьей» культуры и рассматривается нами как совокупность творческих актов, вдохновленных новым мировоззрением³. Как отмечалось, он уникален и эклектичен. Стихийно наполненный, песенник отражает все то, что было волнительно и важно для «третьей» культуры в лице собирателей. Не включая в состав песенника обрядовую поэзию, собиратели невольно дают нам возможность предположить, что это не было актуальным и популярным.

Складывающиеся в культуре на том или ином этапе определенные формы поведения, отношения к действительности, переживания чувств и эмоций интенционально находят отражение в песнях, а поскольку они во многом формульны и типичны, то правомерно говорить о развитии *стереотипов поведения и переживания*, переходящих от одного художественного образа к другому, от одной сюжетной канвы к другой и т. д. Процесс стереотипизации культуры является одним из закономерных, последовательных явлений. Складывающиеся культурные стереотипы в совокупности помогают выявить специфику национального менталитета и формирующейся системы ценностей, поскольку, по выражению А. Л. Свенцицкого, являют собой «всеми принимаемые и общие для всех представителей данной культуры паттерны представлений и убеждений» [6, с. 28].

Образные стереотипы как нельзя лучше отражают картину мира и национальный менталитет. То, что в определенные исторические периоды становится важным и знаковым для представителей культуры, бессознательно проявляется в их творчестве, закладывая таким образом основу того идеала, к которому впоследствии будут стремиться. Изучение менталитета через призму художественного творчества наименее декларативно и патетично рисует образ национального идеала.

Вписывая песенные тексты Уральского рукописного сборника в историко-культурный процесс, мы проанализировали наиболее репрезентативные из них на предмет выявления образных стереотипов.

Традиция, породившая Уральский рукописный сборник песен, вкладывала в понятие мужественности концептуально значимое содержание. Ретроспектива русской национальной истории позволяет сделать вывод о сформированном к началу XIX в. *культе мужества*. Среди критериев мужественности выделялись твердость духа, отчаянность, смелость, бескорыстие и, как правило, вера в какую-либо идеологию. Существующие идеалы мужественности заставляют мужчин преодолевать врожденную инертность и страхи и «работать» [1, с. 233].

---

³ Уральский рукописный сборник песен начала XIX в. введен нами в научный оборот сравнительно недавно, здесь впервые рассмотрен с позиции социологии и культурологии.

В ходе анализа нашего материала был выявлен набор черт, свойственных поведению воина в сражении и отношению к службе: *маскулинность* в ее традиционном понимании, *патриотизм* и *гуманистический пафос боя* (вера в идею освобождения человечества), *пиетет перед авторитетами* (при этом авторитетом может быть официально не признанный человек), *стремление к эмоциональной аффилиации* и объединению, концептуальность *триады «вера — надежда — любовь»* и др.

Авторская песня Ф. Н. Глинки, анонимная в сборнике, отражает единый комплекс описанных черт:

Наши в поле не робеют,
Всякой хочет город взять.
По лесам рубить умеют,
И открытой путь занят.
В барабаны когда грянут,
У солдат кровь закипит,
Все готовы к бою стануть,
Всякий рад колоть, рубить!

[8, л. 76 об.–77]

Не менее важным для «третьей» культуры и, в частности, песен Уральского сборника, является игровое начало. Игра и праздничность участвуют в формировании национального представления о счастье и счастливой судьбе. Балагурство и удалство — основные настроения субъекта речи веселых игровых песен, исполняемых от лица мужчины. Он — находчивый, озорной и бесстрашный.

Молодец, долго добывающийся девицы, в самых резких выражениях сетует на происходящее, однако сквозь его речь просвечивает и чувство привязанности, и неизмеримая надежда:

Долго ль будешь куролесить
Ты, Хавронья, надо мной?
Перестань, пострел, чудесить,
Тумака бы дал иной!
Полно, что за чертовщина,
Нам пора попасть на лад,
Чем собой я не детина,
Право, малой, что твой клад.

[8, л. 85]

Чтобы усилить впечатление, представить события в юмористическом свете, народное сознание использует слова с негативной окраской, в контексте песни обретающие положительную, личностную коннотацию.

В финале герой «чуфискает» перед возлюбленной. Чуфискать — значит «бухаться в ноги, кланяться». Готовый на самоунижение и смех над самим собой, он продолжает любить. Веселая песня народного происхождения всегда наполнена личным лирическим содержанием.

В русской народной культуре складывается особое понимание праздника и веселья: человек сам наполняется праздником, вживается в песню настолько, что разыгрывает ее подобно театральному сценарию. Через игровое действие осмысливаются глобальные категории — *любовь, счастье, семья*. Примечательно, что в любовных отношениях человек начала века заметно преуспел и вышел на новый уровень понимания чувства — близкого к общечеловеческому и философскому.

Уральский рукописный песенник отразил зарождение нового жанра — «жестокого» романса, стоящего на границах между фольклором и литературой, сюжетностью и рефлексивностью и т. д. Песни такого рода свидетельствуют о переосмыслении чувственного опыта.

«Цвели-цвели цветики...» — один из примеров жанра «жестокого» романса. В тексте отчетливо выражена сюжетная линия и драматизм: родители влюбленной в «милого друга» девушки сообщают, что ожидают сватов, скоро ее «косынька» будет расплетена, а девица выйдет замуж по сговору; личная трагедия становится основой для сюжета романса:

Сбирался мой миленько[й]
В городочик,
А я за милым дружкой
Не гонюся,
Гони[т]ся, душа моя,
Он за мною,
За моей девичьей
Красотою.

[8, л. 84]

Во время составления Уральского рукописного песенника также развивается понятие *женственности* как некоей этической и эстетической категории. Женский образ в русской культуре претерпевал изменения, ипостаси женщины были самыми разнообразными: от тотема, носительницы мудрости, до простой пастушки, вместе с тем женский образ — это и Богородица, и Царь-девица [см.: 3]. Собираателей Уральского рукописного сборника интересовали в основном семейно-бытовые и любовные воплощения женщины: мать, жена, сестра, подруга, любовница и т. д.

В контексте «третьей» культуры женственность — социальная, гендерная характеристика. Поведение женщины, транслируемое образными стереотипами, меняется: она становится более активной в устройении собственного счастья, в связи же с военными событиями учится быть сильнее и мужественнее [4, с. 331]. Парадоксально, но творческие опыты «третьей» культуры делают женщину мужественнее, а мужчину — чувствительнее, и это хороший знак — он свидетельствует о том, что ценности универсальны, несмотря на различие социального статуса.

Итак, индивидуальный выбор и открытость новым творческим поискам — вот ключи к эпохе начала XIX в. В это время снимается догматизм, присущий культуре предшествующего века, и негласно утверждается, легитимизируется

возможность творческого выбора. Стремление воспользоваться этой возможностью — основная для данной эпохи культурная интенция, связанная с представлением о национальном идеале.

Сегодняшняя парадигма знания и изучения художественного творчества выводит исследователя на путь эклектики, однако объект по-прежнему остается неизменным — это человек. В этом отношении Уральский рукописный сборник песен начала XIX в. представляется одним из лучших объектов для исследования человека и его социальной, этнической и культурной самоидентификации.

Литература

1. Гилмор Д. Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М., 2005.
2. История и культурология / Н. В. Шишова, Т. В. Акулич, М. И. Бойко и др. ; под ред. Н. В. Шишовой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
3. Кардапольцева В. Н. Женские лики России. Екатеринбург, 2000.
4. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зими́на и др. СПб., 2005.
5. Поздеев В. А. «Третья культура»: проблемы формирования и эстетики. М., 2000.
6. Свенцицкий А. Л. Социальная психология. М., 2003.
7. Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963.
8. Уральский рукописный сборник. [1814] // ОРК СОУНБ им. Белинского. № 375380. Сборник песен 4 ° (210/216 на 160/170 мм). 121 л.

Е. Е. Приказчикова

Екатеринбург

Национальные вопросы в творчестве Н. Дуровой

Интерес к национальной тематике возник в русской литературе еще в конце XVIII в., начиная с «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, в которых автор воссоздавал культурные мироздания различных европейских стран. В первой трети XIX в. при изображении народностей, населяющих территорию Российской империи, преобладала традиция этнографизма, национального бытописания, часто включающего в себя введение элементов национальной мифологии и легенд. К этому моменту складываются предпосылки для появления в литературе так называемого «национального вопроса», под которым понимается обычно совокупность политических, экономических, территориальных, правовых, идеологических и культурных отношений между нациями.

В творчестве Н. А. Дуровой национальный вопрос занимает одно из ведущих мест. Во многом причина этого заключается в особенности творческого